

Как сильное могуче-то Иванище,
Как он, Иванище, справляется,
Как он-то тут, Иван, да снаряжается
Идти к городу еще Еросолиму,
Как Господу там Богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушиться,
Господнему да гробу приложиться.

А сильное-то могуче Иванище,
У него лапотцы на ножках семи шелков,
Клюша-то у него ведь сорок пуд;
Как ино тут промеж-то лапотцы поплетены
Каменья-то были самоцветные:
Как меженный день да шел он по красному
солнышку,
В осенню ночь он шел по дорогому камению
самоцветному.

Ино тут это сильное могучее Иванище
Сходил к городу еще Еросолиму,
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от-град,
Как тут было еще в Цари-граде,

Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы вси татарева;
Как скоро тут святые образа были поколоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В Божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванище
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чисто поле,
А начал у поганого доспрашивать:
«Ай же ты, татарин да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли-то он ростом собой да был?»
Говорит татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолище
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище что ведь люто лохалище,
А глазища что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был».
Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросал он его во чисто поле,
А разлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванище вперед опять,
Идет он путем да дорожкой,
Навстречу тут ему да встречается

Старый казак Илья Муромец:
«Здравствуй-ка ты, старый казак Илья Муромец!»

Как он его ведь тут еще здравствует:
«Здравствуй, сильное могуче ты Иванище!

Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?»

– «А я бреду, Илья ещё Муромец,
От того я города Еросолима.

Я там был ино Господу Богу молился там,

Во Ердань-то реченьке купался там,
А в кипарисном деревце сушился там,

Ко Господнему гробу приложился был.

Как скоро я назад тут поворот держал,

Шел-то я назад мимо Царь-от-град».

Как начал тут Илюшенька доспрашивать,

Как начал тут Илюшенька доведывать:

«Как все ли-то в Цари-граде по-старому,
Как все ли-то в Цари-граде по-прежнему?»

А говорит тут Иван таково слово:

«Как в Цари-граде-то нынче не по-старому,

В Цари-граде-то нынче по по-прежнему.

Одолели есть поганые татарева,

Наехал есть поганое Идолище,

Святые образа были поколоты,

В черные грязи были потоптаны,

Да во Божьих церквах там коней кормят». -

«Дурак ты, сильное могуче есть Иванище!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
За первые бы речи тебя жаловал,
За эти бы тебя й наказал
По тому-то телу по нагому!
Зачем же ты не выручил царя-то
Костянтина Боголюбова?
Как ино скоро разувай же с ног,
Лапотцы разувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьянные,
Сокручуся я каликой перехожею».
Сокрутился он каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
«На-ка, сильное могуче ты Иванище,
А на-ка ведь моего ты добра коня;
Хотя ты ездил, хоть водком води,
А столько еще, сильное могуче ты Иванище,
Живи-то ты на уловном этом местечке,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюда буду я обратно бы.
Давай сюда клюшу-то мне-ка сорок пуд».
Не дойдет тут Ивану разговаривать:
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от него тут добра коня.
Пошел тут Илюшенька скорым-скоро

Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Илюшенька во Царь-от-град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто поле,
Как начал у татарина доспрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?»
Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганое Идолище,
А росту две сажени печатных,
В ширину сажень была печатная,
А головище – что ведь лютое лохалище,
Глазища – что ведь пивные чашища,
А нос-от ведь на роже с локоть был».
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Разлетелись у него тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Илюшенька во Царь-от-град,
Закричал Илья тут во всю голову:
«Ах ты, царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне, калике перехожеей,
Злато мне, милостыню спасеную».
Как ино царь он Костянтин он Боголюбович
Он-то ведь уж тут зрадовается.

Как тут в Цари-граде от крику еще каличьего
Теремы-то ведь тут пошатались,

Хрустальные оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужаснулось.

Как говорит поганый таково слово:

«А царь ты Костянтин Боголюбов был!

Какой это калика перехожая?»

Говорит тут Костянтин таково слово:

«Это есте русская калика zde».

– «Возьми-ка ты каликушку к себе его,

Корми-ка ты каликушку да пой его,

Надай-ка ему ты злата-серебра,

Надай-ка ему злата ты долюби».

Взимал он, царь Костянтин Боголюбович,

Взимал он тут каликушку к себе его

В особый-то покой да в потайный,

Кормил, поил калику, зрадовается,

И сам-то он ему воспроговорит:

«Да не красное ль то солнышко пороспекло,

Не млад ли zde светел месяц пороссветил?

Как нынечку-топеречку zde еще,

Как нам еще сюда показался бы

Как старый казак здесь Илья Муромец!

Как нынь-то есть было топеречку

От тьи беды он нас повыручит,

От тьи от смерти безнапрасны!»

Как тут это поганое Идолище
Взимает он калику на доспрос к себи:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старьи казак есть Илья Муромец?
Велик ли ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль ещё пьет зелена вина?»
Как тут эта калика было русская,
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты, поганое Идолище!
У нас-то есть во Киеве Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом ровным с меня,
А мы с ним были братьица крестовые;
А хлеба ест как по три-то калачика крупивчатых,
А пьет-то зелена вина на три пяточика на медных». -
«Да черт-то ведь во Киеве-то есть, не богатырь был!
А был бы-то ведь zde да богатырь тот,
Как я бы тут его на долонь ту клал,
Другой рукой опять бы сверху прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!
Как я-то ещё ведь Идолище
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная;
Головище у меня – да что люто лохалище,

Глазища у меня – да что пивные чашища,
Нос-то ведь на роже с локоть бы.
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печеных,
Пью-то я ещё зелена вина
А по три-то ведра я ведь мерных,
Как штей-то я хлебаю по яловицы есте русские!»
Говорит Илья тут таково слово:
«У нас как у попа было ростовского,
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пила, тут и треснула.
Тебе-то бы, поганому, да так же быть».
Как этии тут речи не слюбились,
Поганому ему не к лицу пришли,
Хватил он как ножище тут, кинжалище
Со того стола со дубова,
Как бросил он во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Илье не дойдет сидеть,
Как скоро он от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал;
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударял он во дверь во дубовую;
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во сени те,
Двенадцать там своих да татаровей

Намертво убило, друго ранило.
Как остальные татара проклинаят тут:
«Буди трою проклят, наш татарин ты!»
Как тут опять Илюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой его в голову,
Как тут-то он, поганый, да захамкал есть.
Хватил затем поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать.
Помахиват Илюша, выговариват:
«Вот мне-ка, братцы, нынче оружие по плечу пришло».
А бьет-то сам Илюша, выговариват:
«Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется».
Начал он поганых тут охаживать
Как этым поганым Идолищем.
Прибил-то он поганых всех в три часу,
А не оставил тут поганого на семена.
Как царь тут Костянтин-он Боголюбович.
Благодарствует его, Илью Муромца:
«Благодарим тебя, ты старый казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас да еще повыключил
От тьи от смерти безнапрасныи.
Ах ты, старый казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительстве,

Пожалую тебя я воеводою».

Как говорит Илья ему Муромец:

«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!

А послужил у тя только я три часа,

А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,

Да я у тя еще слово гладкое,

Да еще уветливо да приветливо.

Служил-то я у князя Володимира,

Служил я у него ровно тридцать лет,

Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкия,

А не выслужил-то я слова там гладкого,

Слова у него я уветлива, есть приветлива.

Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!

Нельзя-то ведь еще мне zde-ка жить,

Нельзя-то ведь то было, невозможно есть:

Оставлен есть оставеш на дороженьке».

Как царь тот Костянтин Боголюбович

Насыпал ему чашу красна золота,

А другую-то чашу скатна жемчугу,

Третьюю еще чиста серебра.

Как принимал Илюшенька, взимал к себе,

Высыпал-то в карман злато-серебро,

Тот ли-то этот скатный жемчужок.

Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:

«Это ведь мое-то заработное».

Как тут-то с царем Костянтином распростилися,

Тут скоро Илюша поворот держал.
Придет он на уловно это местечко,
Ажно тут Иванище притаскано,
Да ажно тут Иванище придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья те каличие,
Разувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянные,
Надевал на ся платьица цветные,
Взимал тут он к себе своего добра коня;
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищем еще распрощается:
«Прощай-ка нынь ты, сильное могуче Иванище!
Впредь ты так да больше не делай-ка,
А выручай-ка ты Русию от поганых».
Да поехал тут Илюшенька во Киев-град.